

Научная статья

УДК 347.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-1-116-123

Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве

Ольга Сергеевна Маторина^{1✉}, Татьяна Александровна Шавырина²,
Марина Владимировна Орлова³

^{1, 2, 3} Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт
противопожарной обороны МЧС России, Балашиха, Московская область, Россия

¹ odp1313@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

² shavyrina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1158-2141>

³ mar006@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5917-733X>

Аннотация. Статья посвящена механизмам приобщения электронных доказательств (мессенджеров, аудиозаписей, видеоматериалов, цифровой переписки) в гражданском и арбитражном процессах. Актуальность находит отражение в стремительном росте цифровой коммуникации и необходимости согласования доказательственного статуса подобных сведений. Новизна работы заключается в сравнительном исследовании судебных решений, позволяющем выявить неоднородность практики и факторы, влияющие на признание переписки или записей в качестве веских подтверждений. В исследовании описаны правовые инструменты фиксации цифровых данных, изучены материалы об экспертизе подлинности аудио- и видеосвидетельств, нотариальном удостоверении, проверке мессенджеров. Особое внимание уделено оценке законности таких доказательств и соблюдению прав собеседников. Цель исследования — сформулировать принципы допустимости электронных файлов и определить методологические приемы для снижения сомнений судей при рассмотрении материалов. Для решения поставленных задач проведен анализ законодательства, судебной практики и научной литературы. В заключении представлен обзор выводов, отражающих условия применения подобных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства, мессенджеры, аудиозаписи, видеоматериалы, цифровая переписка, судебная экспертиза, идентификация, нотариальный осмотр, аутентичность, правовой анализ

Для цитирования: Маторина О. С., Шавырина Т. А., Орлова М. В. Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве // Социология и право. 2025. Т. 17. № 1. С. 116–123. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-1-116-123>

Original article

Inclusion of electronic correspondence and audiovisual materials in legal proceedings

Olga S. Matorina^{1✉}, Tatyana A. Shavyrina², Marina V. Orlova³

^{1, 2, 3} All-Russian Research Institute for Fire Protection of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Balashikha, Moscow region, Russia

¹ odp1313@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

² shavyrina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1158-2141>

³ mar006@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5917-733X>

© Маторина О. С., Шавырина Т. А., Орлова М. В., 2025

Abstract. The article discusses the mechanisms for the inclusion of electronic evidence (messaging, audio recordings, video materials, digital correspondence) in civil and arbitration proceedings. The relevance is associated with the rapid increase in digital communication and the need to agree on the evidentiary status of such information. The novelty of the work consists in the comparative study of court decisions, which enables to identify the heterogeneity of practice and the factors influencing the recognition of correspondence or recordings as convincing evidence. The study describes the legal instruments for recording digital data, examines materials on the examination of the authenticity of audio and video evidence, notarization, and inspection of messengers. Particular attention is paid to assessing the legality of such evidence and respect for the rights of interlocutors. The study aimed to formulate the principles of admissibility of electronic files and determine methodological techniques to reduce judges' doubts when considering materials. An analysis of legislation, judicial practice and scientific literature was conducted to solve the problems. The conclusion presents an overview of the findings comprising the conditions for the use of such evidence.

Keywords: electronic evidence, instant messengers, audio recordings, video materials, digital correspondence, forensic examination, identification, notarial examination, authenticity, legal analysis

For citation: Matorina O.S., Shavyrina T.A., Orlova M.V. Inclusion of electronic correspondence and audiovisual materials in legal proceedings. *Sociology and Law. 2025;17(1): 116-123.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-1-116-123>

Введение

Информационные технологии стремительно проникают в правовую сферу, что побуждает судебный корпус анализировать цифровые данные как подтверждение фактов. Динамичный оборот электронных сообщений, записей переговоров и видеоконтента демонстрирует значимость уточнения правовых критериев, которые определяют достоверность таких материалов.

Цель исследования — выявить факторы, влияющие на допустимость цифровых доказательств в гражданском и арбитражном процессах. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- 1) систематизировать судебную практику, отражающую противоречивые примеры признания электронных сведений доказательством;
- 2) изучить методические инструменты выявления аутентичности (экспертизу, нотариальный осмотр, анализ метаданных);
- 3) определить алгоритмы повышения убедительности цифровых файлов в ходе судебного разбирательства.

Новизна работы обусловлена свежим взглядом на технологические механизмы подтверждения достоверности электронных материалов и обобщением различных источников, позволяющим сформировать единый подход к вопросам фиксации и исследования цифровых объектов.

Материалы и методы

Исходной базой служат труды Е. К. Антонович [1], в которых освещен зарубежный опыт применения скрытых записей в доказательстве. А. Ю. Борк [2] рассматривает специфику привлечения информации из мессенджеров в уголовном процессе. А. В. Герасимов и Д. Б. Данилов [3] уделяют внимание допустимости нелегальной аудиозаписи в гражданском судопроизводстве. Исследование Г. С. Девяткина и П. А. Луценко [4] дает представление об использовании цифровой переписки в уголовном деле. С. С. Кузнецова [5] анализирует правовое

регулирование цифрового профилирования за рубежом. Д. А. Обертяева и Т. В. Чугурова [6] раскрывают проблемы электронных доказательств в гражданском процессе. В публикации В. В. Платонова [7] показано значение цифровых следов в уголовном судопроизводстве. В исследованиях Е. П. Русаковой и В. В. Зайцева [8] выявлены процессуальные особенности приобщения переписки в мессенджерах. Ю. В. Саблина [9] характеризует юридический статус SMS и цифровой переписки. Наконец, в статье А. В. Шарова и И. А. Архиповой [10] исследованы вопросы применения видео-конференц-связи при проведении следственных действий.

При подготовке работы использованы сравнительный анализ, обобщение судебной практики, систематизация научных позиций и оценка нормативных источников, позволившие выявить расхождения и общие тенденции.

Результаты и обсуждение

Изученный массив публикаций и нормативных актов дает подробную характеристику подходов к приобщению в суде переписки в мессенджерах, скриншотов, аудиоматериалов и видеозаписей. В ходе анализа обнаружена неоднородность практики: суды одобряют применение электронных сведений для установления фактов либо отказывают, ссылаясь на отсутствие возможности достоверно определить участников. С опорой на ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) и ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ переписку в мессенджерах при наличии условий, подтверждающих достоверность источника, используют как письменное доказательство, а аудио- и видеоматериалы квалифицируют как самостоятельный вид, если прослежена цепочка их получения без нарушения норм.

В одних решениях суды учитывают направление сообщений по номеру телефона, данные о характере общения и иные признаки идентификации, в других — заявляется, что личность отправителя не подтверждена, поэтому отказ в приобщении считается оправданным. Например, определение Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 г. № 35-КГ16-18 зафиксировало одобрение судами расшифровки телефонного диалога, сделанного без предварительного извещения второй стороны, при условии, что разговор касался гражданских обязательств и не затрагивал конфиденциальной сферы собеседника. В этом деле речь шла о возврате долга, и записи признали полноценным средством доказывания, поскольку автор сообщения и адресат обсуждали исполнение договора. Вместе с тем апелляционное определение Свердловского областного суда от 15 сентября 2016 г. № 33-15582/2016 продемонстрировало позицию, при которой цифровые материалы, перенесенные на компакт-диск, не приняли к исследованию. Согласно позиции суда, невозможно гарантировать отсутствие вмешательства при копировании с первоначального носителя. В ходе заседания заявитель не показал исходных файлов на телефоне или диктофоне, а предоставил диск, происхождение которого суд поставил под сомнение.

Исследователи пишут о том, что информация, содержащаяся в мессенджерах, нестатична, при этом ее получению требуется применение процессуальных действий, позволяющих удостоверить личность участников и надежно зафиксировать содержимое [2]. На практике суды зачастую принимают такие материалы, если стороны не оспаривают авторства сообщений или добровольно признают переписку, что согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ о возможности межличностной фиксации разговора для защиты интересов при условии, что тема коммуникации затрагивает деловые вопросы, а не личную тайну.

Существенные трудности вызывает проверка того, кто именно вел переписку. При рассмотрении трудовых споров, например по факту уведомления о предстоящем увольнении, демонстрируется разный подход. В одном случае поступившее через мессенджер сообщение расценивается как надлежащее, если коллективным договором или соглашением узаконен такой канал связи и подтвердилось, что работник согласен получать все оповещения в цифровом формате. Например, решение Ангарского городского суда Иркутской области от 25 апреля 2017 г. № 2-1393/2017 не признало WhatsApp надлежащим способом информирования о выдаче трудовой книжки, поскольку локальным актом компании закреплена иной маршрут уведомления. Отсутствовало обоюдное согласие использовать мессенджер для деловой переписки, и суд отверг доказательство. Приведем еще факт. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 29 мая 2019 г. № 33-4092/2019 послужило примером, в котором обсуждали наследственные притязания. Заявитель представил скриншоты из мессенджера с фотографией свидетельства о праве на наследство. Суд удостоверился в том, что диалог осуществлялся представителем ответчика, а тексты не противоречили другим доказательствам. Благодаря этому они признаны пригодными для выяснения обстоятельств.

В другом случае постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2019 г. по делу № А40-220968/18 сопровождалось противоположным решением. Так, участники имели привычку оперативно обмениваться данными о поставке, и этот способ отразили в договоре. Скриншоты принятой заявки, сведения о формировании счета, подтвержденные ответным сообщением, позволили суду признать все тексты на экране телефона письменно зафиксированным доказательством, поскольку каждая сторона понимала, кто именно вел диалог и при каких условиях суд заявил о недопустимости подобного извещения, потому что локальными актами организации регламентирован иной порядок уведомления. В публикациях [3; 4] речь идет о том, что запрет на скрытую запись не означает, что подобный аудиофайл не может выступать допустимым подтверждением при споре о нарушении прав, если разговор связан с договорными обязанностями и не затрагивает тайну частной жизни. Аналогичная позиция отражена в одном из определений Верховного Суда РФ, в котором запись телефонного разговора без согласия собеседника признали приемлемой, так как она содержала сведения исключительно о долговых обязательствах.

Многие авторы советуют использовать досудебные меры по удостоверению цифровых доказательств: например, проведение у нотариуса осмотра сайтов или переписки, что фиксируется специальным протоколом [1]. В материалах [7; 9] встречается мнение о необходимости экспертизы для установления аутентичности переписки и исключения монтажа. В судебных решениях также можно обнаружить ссылки на положительный исход таких экспертиз. Иногда проверку проводят на базе ст. 79 ГПК РФ, если сторона ходатайствует о назначении эксперта, знакомящегося со следами редактирования или метаданными файлов.

Авторы [5; 10] обращают внимание и на ситуацию с видеосъемкой в общественном месте или кабинете, при этом фиксацию производили без прямого согласия, но в зоне, открытой для посещения. Подобный материал, если он ориентирован на защиту гражданских интересов и получен без преступных методов, применяют в качестве доказательства, если соблюден принцип соразмерности вмешательства в личную жизнь. Похожий подход встречается при учете данных с регистраторов: суд исследует, имело ли лицо право в конкретном месте вести фиксацию и не нарушено ли законодательство.

Интересен тот факт, что в судебных актах отражено различное отношение к мессенджерам при рассмотрении споров о приобщении переписки, если на пред-

приятии принят иной обязательный канал электронной коммуникации. В ряде случаев вывод гласит: переписка в WhatsApp не согласована в договоре, а значит, отсутствует надлежащее согласование способов взаимодействия и, следовательно, суд исключил материал из оценки. Так, в определении Московского городского суда от 6 сентября 2019 г. № 4г-11187/2019 по делу о возмездном туристическом продукте проанализирована переписка в WhatsApp. В материалы включили сообщения, указывающие на согласие клиента оплатить тур и согласованное предупреждение о штрафных санкциях. Суд отнесся к скриншотам лояльно, учитывая, что ответчик не оспорил личность отправителей, а в тексте говорилось о конкретных суммах и датах. Вместе с тем возникает резонное замечание [6] о том, что электронная переписка, если стороны в течение длительного времени обменивались сообщениями об условиях сделки, фактически проявляет обоюдное признание данного способа, поскольку при обмене информацией по электронной почте у участвующих в переписке лиц не возникало сомнений в адресате. Приведем в качестве примера постановление Саратовского областного суда от 9 января 2018 г. № 4А-З/2018. Аргумент об отсутствии извещения стороны признали бездоказательным, так как скриншот из мессенджера демонстрировал, что о дате заседания уведомили по согласованному между участниками процесса каналу связи. Переписка не вызвала возражений, и суд посчитал ее достаточной для подтверждения факта уведомления.

Анализируемые работы, судебные кейсы и тексты констатируют преимущество, которое дает электронная фиксация переговоров: возможность быстро подтвердить позицию при минимальных ресурсах и собрать доказательства как для гражданского, так и для административного или уголовного процесса. В то же время нередко суды требуют полного соблюдения норм о свободе личного общения, предписаний ст. 23 Конституции РФ и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, а также положений Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ о недопустимости доказательств, полученных в результате противоправного вмешательства в частную сферу. Если истец обосновывает сбор такой записи самообороной права, шанс на приобщение растет. Это подтверждено в некоторых делах: суд признал запись телефонных переговоров допустимой при защите имущественных претензий. В литературе указано на то, что сбор сведений, фиксирующих деловые контакты, не затрагивает сокровенного пласта личной жизни участников [1].

Обобщенные выводы относительно рассмотренных источников говорят о том, что решение о допустимости цифровых материалов зависит от их формы, аргументов сторон, механизма получения записи или скриншотов и от согласия судьи исследовать их достоверность. При аккуратном соблюдении процессуальных требований и идентификации участников переписка в WhatsApp или Telegram, любая аудиозапись, а также видеоматериалы из публичного места приобщаются судами, если доказывают существенные обстоятельства дела и подтверждаются процессуальными механизмами, исключающими фальсификацию. Так, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2016 г. № 03АП-1037/16 продемонстрировало отказ в приобщении записи, поскольку не удалось установить, кто именно говорил на аудиозаписи и в каком месте она сделана. Дополнительно суд указал, что не предъявлены специальные данные о времени фиксации. Заявитель не смог идентифицировать участников диалога и технические условия записи. Иногда приветствуется нотариальное удостоверение переписки и метаданных. Как пишут Е. П. Русакова и В. В. Зайцев [8], процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации, что подталкивает к более детальному закреплению в законе норм по проверке и приобщению электронных материалов.

В результате складывается судебная линия, согласно которой значительная часть судов рассматривает скриншоты, данные из мессенджеров, негласные аудио- и видеозаписи как допустимый пласт доказательств, если соблюдаются критерии относимости, достоверности и отсутствует покушение на личную тайну.

Все эти судебные примеры свидетельствуют о том, что мессенджеры, аудио-записи, скриншоты выступают возможными источниками доказательств, если сторона способна подтвердить личность отправителей, дату и содержание. Судьи склонны считать подобные файлы приемлемыми при условии отсутствия спора о подлинности и обоюдного признания переписки либо очевидной демонстрации того, что отправитель и получатель общались по обоюдной договоренности в данном формате.

Выводы

Систематизация проанализированных судебных решений показывает, что единого стандарта признания цифровых файлов доказательством пока не существует. Ряд судов принимают переписку в мессенджерах, аудио- и видеозаписи при условии подтверждения подлинности, другие — затрудняют их использование ввиду сомнений в идентификации участников. Методические инструменты, отраженные в научных источниках, подтверждают эффективность нотариального осмотра, экспертизы метаданных и проверки цифровых носителей. Подобные мероприятия укрепляют позицию сторон при наличии спорных вопросов о достоверности записей. Формируемые алгоритмы для адаптации электронных сведений к судебным требованиям включают в себя подготовку первоисточников, устранение технических пробелов и прозрачный процесс подтверждения личности участников.

Реализация указанных шагов направлена на достижение целей работы: пониманию неоднородности практики, выявлению инструментария по оценке аутентичности материалов и созданию методических рекомендаций, позволяющих сторонам более осмысленно использовать доказательства. Выработанный подход помогает избежать произвольного отклонения цифровых свидетельств и способствует росту правовой определенности в делах, основанных на электронных коммуникациях.

Список источников

1. Антонович Е. К. Использование в доказывании результатов прослушивания телефонных переговоров в условиях развития информационных технологий (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // *Lex Russica (Русский закон)*. 2019. № 7. С. 160–171. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.160-171
2. Борк А. Ю. Информация из мессенджеров и социальных сетей как доказательство по уголовным делам // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2021. № 4. С. 66–70.
3. Герасимов А. В., Данилов Д. Б. Допустимость скрытой аудиозаписи в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2017. № 2. С. 201–204.
4. Девяткин Г. С., Луценко П. А. Переписка в мессенджерах и социальных сетях как доказательство по уголовному делу // *Государственная служба и кадры*. 2021. № 2. С. 159–161. DOI: 10.24411/2312-0444-2021-2-159-161
5. Кузнецова С. С. Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран // *Правоприменение*. 2024. Т. 8. № 4. С. 63–72. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).63-72

6. Обертяева Д. А., Чугурова Т. В. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 5-2. С. 333–337.
7. Платонов В. В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 208–215. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.208-215
8. Русакова Е. П., Зайцев В. В. Мессенджер как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: российская судебная практика // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 3. С. 9–15. DOI: 10.17816/RJLS46829
9. Саблина Ю. В. СМС-сообщения и переписка в мессенджерах как доказательства в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-2. С. 178–181. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-6-2-178-181
10. Шаров А. В., Архипова И. А. Процессуальные и криминалистические аспекты применения систем видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 4. С. 93–103. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-4-93-103

References

1. Antonovich E.K. The use of wiretapping results in establishment of evidence in conditions of developing information technologies (comparative legal analysis of the Russian Federation legislation and some foreign countries legislation). *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*. 2019;(7):160-171. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.160-171
2. Bork A. Information from messengers and social networks as evidence in criminal cases. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Issues of Students' Science*. 2021;(4):66-70. (In Russ.).
3. Gerasimov A.V., Danilov D.B. Admissibility of the hidden audio recording as the proof in civil legal proceedings. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2017;(2):201-204. (In Russ.).
4. Devyatkin G.S., Lutsenko P.A. Correspondence in messengers and social networks as evidence in a criminal case. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2021;(2):159-161. (In Russ.). DOI: 10.24411/2312-0444-2021-2-159-161
5. Kuznetsova S.S. Legal regulation of digital profiling of a person in the practice of foreign countries. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*. 2024;8(4):63-72. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).63-72
6. Obertyaeva D.A., Chugurova T.V. Problems of using electronic evidence in civil proceedings. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Sciff. Issues of Students' Science*. 2020;(5-2): 333-337. (In Russ.).
7. Platonov V.V. the importance of electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;(1):208-215. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1. 208-215
8. Rusakova E.P., Zaitsev V.V. Messenger chats as evidence in civil and arbitration proceedings — Russian judicial practice. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*. 2020;7(3):9-15. (In Russ.). DOI: 10.17816/RJLS46829
9. Sablina Yu.V. SMS messages and correspondence in messengers as evidence in civil proceedings. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(6-2):178-181. (In Russ.). DOI: 10. 24412/2500-1000-2022-6-2-178-181
10. Sharov A.V., Arkhipova I.A. Procedural and forensic aspects of the use of video conferencing systems in the production of investigative actions. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2023;(4):93-103. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6184-2023-4-93-103

Информация об авторах

О. С. Маторина — начальник сектора; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; РИНЦ Author ID: 953884;

Т. А. Шавырина — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12;

М. В. Орлова — старший научный сотрудник; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12.

Information about the authors

O. S. Matorina — head of the sector; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia; RSCI Author ID: 953884;

T. A. Shavyrina — PhD in Technical Sciences, leading researcher; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia;

M. V. Orlova — senior researcher; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 26.03.2025.